

КАРИНА ФИНКЕЛЬ

.....

БЕЗДНА

Карина Финкель

Бездна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69486919

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодая журналистка Лера пытается найти свою пропавшую подругу Настю. Настя была членом загадочной секты, которая появилась после того, как московские ученые в ходе научного эксперимента нечаянно проломили проход в таинственный параллельный мир – бездну. Девушка начинает расследование и сама сталкивается с бездной – загадочным местом, которое манит и гипнотизирует всех, кто хотя бы раз взглянет туда. Лера должна разгадать тайну бездны и найти подругу.

Содержание

Глава 0	5
Глава 1. Пустой стул	6
Глава 2. Невесомость	20
Глава 3. Я и она	27
Глава 4. Физика – это поэзия	43
Глава 5. Она не могла	54
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Карина Финкель

Бездна

*Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло,
гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я
отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.*

1-е послание Коринфянам 13:12

*И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
Евангелие от Иоанна*

*На самом же деле, он хотел проделать дыру в
своем мире и бежать.*

Владимир Набоков «Условные знаки»

Глава 0

Внутри меня зияет темная бездна.

Я всегда ощущаю ее – иногда сильнее, иногда слабее. Она пульсирует, движется, мерцает. Я занимаюсь обыденными вещами: ем, иду по улице, работаю. А в это время внутри меня ревет бездна. Густая масса, постоянно меняющая свое состояние антиматерия. Хорошо еще, что она прикрыта кожей. Вряд ли там, в моем теле, есть какие-то органы, кости, сосуды и прочие составляющие, как у других людей. Никто никогда не делал мне операций, так что опровергнуть это утверждение невозможно. Даже если бы кто-то и увидел внутри меня сердце или желудок – что бы это изменило?

Неважно, что ты видишь глазами. Значение имеет лишь то, что есть на самом деле.

Внутри меня бездна, и она поглощает меня. И я ее. Я – это бездна. И бездна – это я.

До того, что произошло, эта бездна была для меня обычной человеческой дырой в душе, тягой к чему-то недостижимому, пустотой внутри. Но после того, что случилось, стало понятно, что это вовсе не пустота.

Стало понятно, что бездна только кажется пустотой.

Глава 1. Пустой стул

Каждый день я прохожу одну и ту же дорогу до своего рабочего места. Здравуюсь с охранниками, прикладываю к сканеру на турникете пропуск, натягиваю медицинскую маску на лицо, поднимаюсь по лестнице на второй этаж и лавирую между столами. Знакомая география: лысина одного из выпускающих редакторов, гигантское растение в горшке типа монстеры, много лет назад сломанный стол, за которым никто не сидит. Наш ньюсрум – зал, где сидят корреспонденты и редакторы, – огромен. Когда-то мне потребовалось время, чтобы запомнить, где находится мой стол и как до него дойти. Я до сих пор до конца не знаю, кто где сидит, и не знакома с большинством коллег.

Вся наша редакция пронизана эстетикой новостного агентства. Повсюду бегущие строки с молниями и экраны с новостями. Периодически по громкой связи объявляют, что по «Россия 24» выступает Матвиенко, Мишустин или Набиуллина, к телевизорам сразу подскакивают профильные корреспонденты с диктофонами. Если прислушаться, слышен постоянный шум клавиатур. Но обычно я его не замечаю.

Я здесь уже три года.

Этим людям, моим коллегам-журналистам, не все равно, что они делают. Вот, что мне здесь нравится. Всем интересно. Все горят делом. С безразличными людьми работать

скучно.

Мне на этой работе несложно. Все получается как-то само собой. У всех есть какие-то заранее определенные сильные и слабые стороны. Как в компьютерной игре. Например, +1 к журналистике, как у меня. Когда смотрю на других людей, всегда пытаюсь проанализировать их плюсы и минусы. У моей знакомой всегда есть отношения, и если одни заканчиваются, то сразу начинаются другие: +1 к отношениям. Мой бывший начальник способен поругаться с кем угодно, хотя сам считает себя абсолютно неконфликтным человеком (+1 к конфликтам с окружающими; +1 к неверной оценке ситуации). У одного моего бывшего определенно было +1 к обвинению других в своих проблемах; -1 к деньгам и +1 к подозрениям, что женщинам только деньги и нужны.

Что еще сказать обо мне?

+1 к тревожности;

+1 к трудоголизму (очень удачная зависимость: по сути, то же, что наркомания или алкоголизм, но все считают, что ты молодец);

+1 к удачному выбору фильмов для просмотра;

+1 к способности подолгу залипать в интернете на тупые видео (очень тупые);

+1 к одиночеству и патологической неспособности строить отношения;

-1 к способности регулярно заниматься спортом;

-1 к хорошему зрению;

-1 к красивым волосам (что бы я ни делала; но, пожалуй, +0,5 к скорости их роста, и на том спасибо);

-1 к красивым длинным ногтям (постоянно ломаются).

Пришла вовремя, даже чуть раньше: в 9:59. Пробуду тут до семи вечера. На самом деле никакого смысла в графике нет: работаю, когда есть что делать. Новости случаются постоянно, тут как повезет. Некоторые темы дают плюсики к ночным побудкам и т. д., некоторые – наоборот. Поэтому складываются несправедливые ситуации: я могу работать ночью вместо сна, а на следующий день отсиживать с 10 до 19 в офисе, читая книги. Смысла никакого, но так заведено. Да я и не против. В постоянной занятости я топлю свои неврозы. Как только у меня случается что-то тревожное, я сразу нахожу себе дело и забиваю им все эмоции. Это неправильный подход. Потом они, наверное, так и остаются где-нибудь внутри и перевариваются там. Это как гигантская свалка. Отходы гниют и выделяют газы, жидкости, все это перемешивается между собой и отравляет окружающую среду. То же делают непрожитые эмоции. В этом всем я мастер.

+1 к неспособности адекватно проживать эмоции;

+1 к свалке с радиоактивными отравляющими отходами где-то глубоко внутри меня.

Без работы я начинаю нервничать и тревожиться. На работе мне хорошо.

Мужчины и детей у меня нет. Если бы были, я, наверное, проводила бы в редакции еще больше времени.

В выходные во мне поднимается непонятная тревога. Бывает, что я устаю и жду их. Но, как только рабочая неделя заканчивается, мне становится страшно. Не знаю, чего именно я боюсь. Наверное, не хочу сталкиваться с чем-то, что успешно теряется в суматошных рабочих буднях. Не хочу на это смотреть.

Особенно сейчас.

Мне нравятся офисные люди. У них как будто всегда все хорошо. Они обязательно при деле, непременно кому-то нужны. Правда, иногда я думаю, что у них внутри такие же свалки с радиоактивными отходами, как у меня.

Когда я только устроилась на работу, она занимала все мое время. Теперь стало легче: я освоилась, появилось много свободных минут и часов. Поэтому я и пишу этот текст – чтобы занять себя хоть чем-то. Я люблю буквы и то, как они складываются в слова и предложения. Словно капли в океан или клетки в целого человека. Текст – это так красиво. Правда, мне еще далеко до идеала.

+1 к кайфу от работы с текстом.

При этом, как ни странно, я давно не читаю книг. Не знаю почему. Единственное, на что меня пока еще хватает, – перебирать книги в интернет-магазинах и смотреть цитаты, которые выделили другие люди. Цитаты мне нравятся. Разве книги пишутся не ради них?

Я пишу новости про российскую экономику. Может быть, сама тема кажется вам не очень интересной. Что уж там, на-

верняка вы считаете, что это очень скучная тема. Но мне нравится ею заниматься. Разбираться в нюансах экономики и пертурбациях в медиаполе. Придумывать заголовки (их надо уместить в нужное количество знаков – это как головоломки в детстве, зарядка для ума, приятно щекочущая мозги). Нравится находить эксклюзивы (собираю их, как красивые камушки и перышки, а потом кладу в коробочку – вставляю в отчеты для начальства). Мне нравится всплеск адреналина, когда за секунды надо сформулировать молнию. Нравится общаться с сильными мужчинами, принимающими решения, от которых многое зависит (многие из них очень привлекательны). В конце концов, нравится ходить в нашу столовую, болтать с коллегами, летать в командировки.

Я люблю правила игры, многие полуинтуитивные. Например, запятые в заголовке – плохо, а в лиде¹ – ничего, сойдет.

Очень важное правило: нельзя говорить, что сегодня ничего не должно произойти, иначе сразу же что-то случится.

Да, еще мне нравится пользоваться журналистским сленгом. Коллеги, давайте поставим эмбарго. Я замолню. Я написал рыбу. Добавлю в срочную. Кину расширку. Спрошу на подходе. Отожмем министра после сессии. Заги, лиды и т. д.

Работа – такая сфера моей жизни, в которой всегда все хорошо. Даже не знаю, есть ли еще такие сферы. Кажется, нет.

Странно, но я никогда не думаю о читателе. Я знаю, как

¹ Лид – первый абзац новости.

должна быть написана новость. Я делаю ее понятной и правильно составленной. Что с ней будет происходить дальше – не мое дело. Мне не интересно, что ее читают сотни тысяч человек, а иногда и миллионы (у нас на сайте стоит счетчик просмотров). Мне не интересно, что ее процитировал «Коммерсантъ» или что она попала в топ «Яндекса». Мне интересен только процесс написания новости – уютная кропотливая работа, схожая с плетением фенечек или вышиванием. Что-то простое, понятное, приятное. Мне нравится моя работа, и я делаю ее хорошо.

Вообще-то миллион просмотров у моей новости был только один раз. Миллион человек – это население Волгограда или Красноярска. Получается, написанные мной слова прочитали все эти люди. Целые города. Но мне все равно. Никаких эмоций по поводу этого я не испытываю.

Журналисты считаются четвертой властью. Мне сложно оценить, насколько это утверждение соответствует действительности. Иногда и правда удается растормошить какую-то историю или решить какой-то вопрос. Иногда не удается.

Просидев несколько часов за компьютером и отписав пару незначительных релизов – день был скуден на новости, – я пошла за мармеладками к вендинговому автомату. Когда я нервничаю, мне обязательно надо съесть что-то одновременно кислое и сладкое. Иногда грейпфрут, иногда мармеладки: и то, и то сплошная кислота. Надеюсь, они не прожгут мне желудок.

Отошла от стола и поняла: что-то не так. Все вокруг расплывалось. Я вернулась к столу и надела очки. Мир без них – как украденное и слитое в интернет в самом низком качестве кино.

Когда я стала носить очки, то впервые заметила, что в них ходит половина редакции. Вот так. Мы многого не замечаем. И это только очки. А что касается большего?

Проходя мимо международной редакции, я по привычке глянула на ее стул. Он был пуст. Внутри снова шевельнулась тревога.

На этом месте должна была сидеть Настя. Моя... как бы объяснить. Моя бывшая лучшая подруга. Глупо звучит, словно я в пятом классе. Но это так.

Вообще-то Настя не просто моя бывшая лучшая подруга. Она еще и моя бывшая соседка. Точнее, ее вещи до сих пор лежат в соседней комнате. Только ее самой там уже нет. И в моей жизни ее больше нет. Некоторое время назад мы перестали общаться, но пока продолжали жить вместе. Мы собирались разъехаться.

Кинув взгляд на ее пустой стул, я снова двинулась к кислым мармеладкам.

И тут меня заметила Луиза. Вот черт. Я умудрилась встретиться с ней взглядом. Дурацкие очки, без них я бы ее и не увидела.

Чтобы вы понимали, Луизе 57 лет, и она выглядит возмутительно классно. Седые кудри длиной до подбородка – она

явно дополнительно подкрашивает их, потому что ее седина какая-то особенно яркая. Красная помада, огромные очки в черепаховой оправе, куча колец на пальцах. Эпатажная и чудная. Она, похоже, вообще не заметила, что ей уже не 30. Морщинки есть, конечно, но их как-то никто не видит. Я бы тоже хотела каждый день краситься, но я для этого слишком ленивая. Майка, джинсы-скинни, более или менее чистые волосы – и сойдет. Из украшений у меня одно кольцо на среднем пальце левой руки, много лет одно и то же. Маленький бриллиант на простом кольце из белого золота, мамин подарок. Такое же было у сестры.

Выбор одежды для Луизы был чистым творчеством. Проходя мимо нее в офисе, я всегда смотрела, в чем она сегодня. В один день – грубый комбинезон, в другой – длинное платье-свитер. Она надевала необычные серьги и старинные кулоны с блошиных рынков. Она накручивала волосы, рисовала мудреные стрелки, красила губы яркой помадой. Луиза постоянно экспериментировала, и все на ней хорошо смотрелось. Есть люди, максимально уверенные, что они имеют право жить в этом мире и одеваться так, как им хочется. На них одежда всегда хорошо сидит. Я не из таких. На мне все выглядит мешком.

Наверное, Луиза напоминала мне маму. Та тоже ярко одевалась и отказывалась стареть. Правда, мама отказывалась еще и взрослеть. Во всяком случае, пока могла.

Луиза – редактор, притом гениальный. Я вообще прекло-

няюсь перед людьми этой профессии, не выношу редактуру. Писать люблю, а корпеть над текстом ненавижу. Луиза может превратить самую муторную муть в понятный короткий заголовок. И она постоянно чем-то увлекается помимо работы. Каменная мозаика, джиу-джитсу, всякие необычные мероприятия.

Правда, последняя наша вылазка на «необычное мероприятие» закончилась, прямо скажем, не очень хорошо.

У Луизы было шестеро бывших мужей, причем все из силовых структур: полиции, ФСБ, Следственного комитета. Между собой они не были знакомы, она тоже не вертелась в их кругах, но стабильно притягивала один и тот же типаж мужчин – малоэмоциональных, закрытых, сильных. Всех своих силовиков, от майора до полковника, она бросила и жила с тремя котами. Но я не удивлюсь, если в будущем появятся новые силовики. От них она до сих пор получала эксклюзивы, которые не хотела оформлять в новости и всегда передавала корреспондентам из редакции ЧП. Со всеми мужьями она дружила. Однажды один из них вытаскивал нас с Настей из отделения (мы тогда выпили шампанского на улице, что было задумано как нечто веселое и богемное, а потом нас забрали полицейские за распитие в общественном месте, и мы сидели в грязном обшарпанном отделении с проститутками). Каждый муж знал, что у Луизы был до него другой супруг из силовых структур. Я всегда подозревала, что правда однажды вскроется, но этого не происходило.

Луиза:

+1 к стилю;

+1 к браку;

+1 к редакции;

+1 к чересчур долгим обсуждениям с корреспондентом новости и всех ее деталей перед выпуском;

–1 к умению думать перед тем, как сказать;

–1 к умению не взрываться при общении с корреспондентом;

–1 к умению не принимать все близко к сердцу.

Я иногда задумываюсь о том, что у корреспондентов и редакторов должны быть какие-то принципиальные различия в работе мозга. Одни пишут, другие редактируют. Одни создают, другие обтачивают. Интересно, сказываются ли эти различия в других сферах жизни? Удастся ли редакторам корректировать свою судьбу так, как нужно? Мне точно не удастся.

Краем глаза я увидела, что Луиза встала и направляется ко мне. Притворившись, что не вижу ее, я зашагала к автомату. Не тут-то было. Она догнала меня и пошла рядом.

– Надо что-то делать с Настей. Где она может пропадать? – тихо сказала Луиза.

Не хочу об этом думать.

Жутко хочется мармеладок. Сладкое и кислое. Теперь еще сильнее, чем когда вставала со стула. Теперь я прямо-таки нуждаюсь в мармеладках. И, пожалуй, в «Твиксе». Да, точно,

теперь нужен еще и «Твикс».

– Лера, не притворяйся, что не слышишь.

– Ты же знаешь, что мы с ней перестали общаться.

Мимо проходили люди, и она еще сильнее понизила голос.

– Глупости какие. Вы что, пятилетки? Может, ей помощь нужна.

Мармеладки, «Твикс» и чипсы. И большой латте с карамельным сиропом. То, что надо.

Я попыталась принять некий адекватный моменту понимающий вид. Такой, будто я вроде и согласилась, но ничего не обещала. Не вышло.

–1 к актерским способностям.

Луиза, глядя на мое лицо, недоуменно подняла брови и продолжила:

– Я пыталась ей звонить. Телефон отключен. Я снова ходила на собрание этих людей, но не встретила тех, с кем мы общались в прошлый раз.

Вот черт. Надеюсь, никто этого не слышал. Мне казалось, что все сразу поймут, о чем она говорит, и никто не поверит, что я была там только один раз и просто из интереса.

– Давай сходим туда еще раз. Для очистки совести.

Я молчала. Я «в домике». Пусть она отстанет.

Я не хочу в это лезть. Мне нравится моя простая скучная жизнь. Пресс-конференции, командировки, сидение в редакции, обеды в столовой.

Я не хотела впутываться ни в какие мутные истории. Не

хотела никого искать. Опять.

Сначала я думала, что Настя обиделась на меня и уехала пожить куда-то, где меня нет, чтобы остыть. Потом решила, что она вляпалась в какое-то приключение. Потом – что она втихую уехала в отпуск. Потом я уже не знала, что думать.

Почему мои близкие вечно пропадают?

Очень хотелось в отпуск. В Италию или Испанию. Туда, где жарко, красиво и спокойно. Где никто не пропадает. Где не надо никого искать.

Моя проблема в том, что я вечно забываю, как важен отдых. Я просто работаю, пока не начинаю срываться из-за пустяков, постоянно рыдать, вставать по утрам разбитой и без малейшего желания идти в редакцию.

+1 к игнорированию своих потребностей и сигналов тела, предупреждающих об усталости;

–1 к умению отдыхать.

На каждый отпуск я возлагаю нереалистичные ожидания (вроде того, что это будут лучшие каникулы в моей жизни и за одну неделю я отдохну за целый год бесконечной работы). Конечно, никакой отпуск не способен удовлетворить такие запросы. Конечно, каждый раз мне кажется, что я недостаточно отдохнула и растратила свободные дни впустую.

Обычно моим отдыхом занималась Настя. Она внезапно предлагала поехать в Португалию, Францию, Китай, на Камчатку, в Крым. Она все организовывала, обожала это делать, хотя постоянно косячила. Мне нужно было только опреде-

лить дни в календаре и выбрать из двух—трех понравившихся ей отелей. Я всегда была согласна на ее предложения: поехать на дикий пляж за тридевять земель, провести день на шоппинге, не спать всю ночь в баре. А иногда мы по нескольку дней не виделись. Например, мне хотелось провести сутки в спа, а ей – посмотреть какую-нибудь древность. Тогда мы спокойно расходились, и каждая занималась тем, чем хотела. Нам было комфортно и вдвоем, и порознь.

С Настей я всегда брала отпуск на две недели. Для себя – только одну, и все время проводила дома. Не знаю, почему так.

– Ты должна, – сказала мне на ухо Луиза. От неожиданности я подпрыгнула. Я утонула в мыслях и уже забыла о ее существовании.

– Ничего я не должна. Она уже большая девочка.

– Большим девочкам тоже иногда требуется помощь.

– Вряд ли я смогу чем-то помочь. Извини, но я занята. Уверена, полиция сделает все, что нужно. Я общалась с ними, сделала все, что должна. Они показались мне профессионалами. В конце концов, я плачу налоги для этого.

Предполагалось, что прозвучит достойно, но вышло глупо. Ну ладно.

Я решительно двинулась вперед и вспомнила, что шла за мармеладками. Не особо подходит под «занята», поэтому пришлось решительным шагом уйти подальше, пытаясь мимикой и жестами продемонстрировать крайнюю занятость

(кажется, не получилось). Сделав крюк до дальнего автомата в другом ньюсруме, где Луиза не смогла бы меня увидеть, я обнаружила, что ничего кисло-сладкого в нем нет. Пришлось возвращаться ни с чем. Проходя мимо Луизы, я отвела глаза и быстро пошла к компьютеру, словно надо было делать что-то важное.

Краем глаза я видела, что Луиза смотрит мне вслед.

Глава 2. Невесомость

Кто я?

Где я?

Что происходит?

Состояние довольно необычное. Неопределенное.

Пожалуй, правильнее будет сказать, что никакого состояния нет.

Я... Точнее, и «я» никакого нет.

Абсолютно не существует. Больше не существует. Осталось какое-то жалкое, стертое «я». И то не точно. «Я» в привычках. Как будто на подпорках или на костылях.

Я употребляю это местоимение просто по привычке. Должно же быть какое-то подлежащее. Должен быть кто-то. Иначе кто и как разберется в том, что произошло? А у меня есть такая потребность. Желание анализировать, исследовать, разбирать на кирпичики – единственное, с чем я еще могу увязать свое я. Остальное расплывается в этом вязком черном пространстве, обволакивающим меня со всех сторон. Вообще-то я и это пространство уже практически одно и то же. Но в моменты, когда я пытаюсь что-то вспомнить, когда я силюсь понять, что произошло, часть этого пространства становится мной. Не так четко, как это было раньше, но некоторое слабое, зыбкое «я» формируется в эти короткие моменты – и все лишь для того, чтобы в следующий миг

снова развалиться и окунуться в это единение.

Я надолго забыл о своей отдельности. Но теперь вспомнил.

Растворение эго. В земной жизни это считалось чем-то позитивным. Знаком духовного роста.

Ну не знаю.

Неприятно ощущать, что никакого «я» больше нет. Не знаю, почему это так важно. Наверное, я был привязан к себе.

Но я еще не умер.

Я узник этого места. Я его часть. Теперь уже мне не отделиться.

Я застрял здесь. Ни туда, ни сюда.

Вокруг меня темнота. Представьте ее.

Важно, чтобы вы вообразили именно ту самую темноту. Она ведь бывает разная. Одна – когда идешь по улице в одиночестве и видишь странного человека неподалеку. Другая – в комнате испуганного ребенка, скрывающая монстров. Третья – очередной ночью, поделенной между бессонницей и кошмарами.

Здесь темнота иная. Мрак вселенной. Черный и глубокий. Плотный. Космический. Непознанный. Тьма, которая скрывает в себе что-то важное.

Представили?

А вот там вдали – видите гигантский огненный шар, как будто солнце? И искры, слетающие к нему? Видите?

Вот в таком месте я нахожусь.

Хотите объяснений, что это?

Это мое великое открытие.

Но давайте обо всем по порядку.

Наверное, я должен больше рассказать о себе, чтобы вы могли решить, можете ли довериться мне. Можете ли поверить в мою безумную историю. Она и правда безумная. Как и все остальное в мире. Особенно, как наши пресловутые «нормальность» и «обычность».

У меня есть смутные воспоминания, но я не уверен, что все это обо мне. Что я был героем этих воспоминаний. Возможно, это воспоминания о ком-то другом. Я знаю, что был мужчиной. Но у меня абсолютно точно есть воспоминания о других людях. Например, откуда я знаю, каково рожать ребенка? Об этом не знают мужчины, да и нерожавшие женщины тоже. А я почему-то знаю. Словно по какой-то ошибке в мою память вмешали чужие воспоминания. Словно я расплываюсь и сливаюсь с другим с пространством, чужими душами, всем миром. Сливаться приятно, но и больно. Мучительно терять себя. Даже не знаю, какая именно часть меня испытывает боль. Меня же больше нет. Это не моральная боль и не физическая. Это просто боль.

У меня было имя. Егор Давыдов – так меня звали. Впрочем, я не уверен в этом на 100 %. Или Давид Егоров? Дарья Егоровна? Или это имя какого-то моего знакомого или известного человека? Может, это вообще просто случайные

звуки? Наверняка так звали еще очень многих людей на свете, живых и мертвых. Не знаю, имеет ли в таком случае имя какое-то значение. Какой вообще смысл в имени, если его, помимо тебя, носит такое количество людей?

Все, что я с таким трудом вытаскиваю из бездны своей памяти, быстро умирает. Стирается.

Я уже потерял многое. Если рыхлые кусочки моего эго еще остались, то тела уже не существует. Местная атмосфера разъела его достаточно быстро.

Если бы я получил возможность прожить жизнь еще раз, я бы пользовался телом гораздо активнее. Я бы ходил на массаж, занимался сексом, йогой, плаванием, накачал бы себе мышцы. Я бы пользовался своим «я»: владел вещами, зарабатывал деньги, отделялся от других, соединялся с ними. Я бы любил, сливал свое я с другими, женился и наделал детей.

Я бы столько всего сделал. Почему я не жил так, когда мог? Казалось, что мне это не нужно, что мне некогда, у меня нет ресурсов, условий и возможностей, что я займусь этим потом. Когда потом-то? Какие еще ресурсы, спрашивается, были мне нужны, кроме тела и эго?

Сначала у меня было время и все возможности для всего этого. Потом я попал сюда. Теперь у меня нет ничего.

Жаль, что я многого не сделал. Но что уж теперь.

Главное, что я понял: я завис между жизнью и смертью.

Я всегда думал, что после смерти человек узнает ответы на все вопросы, разгадывает все загадки, получает неогра-

ниченный доступ ко всей информации. Но, как выяснилось, чтобы получать ответы, нужно иметь Я, а не «я». Я теперь одно целое со всеми загадками и ответами на них. Но что это мне дает, раз я не разделяю нас и не понимаю, как все это интерпретировать?

Ничего не дает.

Я вижу все эти тайны и ответы, но не могу ничего принять, осознать, удержать в себе и передать другим.

Отсюда я вижу многое. Отсюда можно увидеть вообще все. Пространство и время тут не ограничения, а локации. Только нечем это все воспринимать.

У меня недостаточно «я», чтобы брать знания, но его хватает, чтобы мучиться от этого. Ну как «мучиться». Испытывать жалкое подобие этого чувства. Его набросок мокрой кистью на белом листе.

Все, что я помню из прошлой жизни... ох. Воспоминания очень тяжело извлекать из несуществующего мозга. Выплывают какие-то бессмысленные мелочи.

Помню, я был совсем маленький. Кто-то, взрослый и свой, держал меня за руку. И тут мимо пролетел шмель. Я испугался, а взрослый его прогнал. И все. Хотя, возможно, это и не обо мне. Я вижу все это не от первого лица, а как будто кино, и лица ребенка не могу разглядеть.

Помню, я (или не я?) однажды шел по улице на работу и почувствовал сильное желание пойти другим путем. Никакой логики в этом не было. Было холодно и шел дождь, у

меня промокли кроссовки. Я бы опоздал на работу. Но все внутри меня просило свернуть. Я не свернул. Почему-то я хорошо запомнил этот момент.

Зачем мне эти воспоминания? Что в них заключено? Почему сейчас, когда моя личность, мое эго, мое тело стерты, я вспоминаю именно эти моменты? Разве они так важны?

Воспоминания, которые у меня остались, не самые яркие. Но есть и действительно важные. Такие, которые я пересказывал бы детям и внукам, если бы они у меня были.

Например, как я, пятнадцатилетний и влюбленный, обнимался с девчонкой на автобусной остановке. Лил дождь, автобус не ехал, а я был счастлив.

Или как мы открыли проход. Лазейку между нашим миром и местом, где «я» пребываю сейчас.

Интересно, сколько великих открытий было сделано нечаянно?

Наше – именно такое.

Наше открытие...

Мое открытие.

Если бы я еще мог чувствовать, если бы у меня было тело, сейчас в середине меня разлилось бы тепло.

Я всегда плохо запоминал прошлое. Так было в земной жизни, так и сейчас. Прошлое постоянно ускользает от меня. Чем дальше от моего перехода в теперешнее состояние находится событие, тем хуже я его помню. Иное необратимо стерлось. Я многого лишился.

Умирая, человек многое теряет, но взамен получаете все. Вы поймете, когда сами будете проходить этот опыт. Но я, как уже говорил, застрял между. Я уже потерял все, но еще ничего не получил взамен. Возможно, я останусь в этой точке существования навсегда. Если бы я еще мог ощущать эмоции, то сказал бы, что это ужасно. Также я сказал бы, что, значит, хорошо, что я не могу испытывать эмоции.

Я хочу полностью восстановить эту историю, чтобы она стала частью меня. Встроилась в мое тело. Сделалась кусочком моей бездны. Я хочу рассказать ее, чтобы утвердить, что все это было. Иначе, кажется мне, она исчезнет так же, как вся остальная жизнь. Как все эти моменты, минуты, секунды, ускользающие сквозь пальцы. Иначе эта история растворится, как дым в прозрачном воздухе. Станет ничем. Станет пустотой.

Но я не хочу, чтобы она становилась пустотой. Я хочу, чтобы она оставалась частью бездны. Как и все истории, которые мы помним.

Я хочу рассказать свою историю, чтобы почувствовать, что все еще есть «я», чем бы оно ни было.

Пожалуйста, пусть оно будет хоть чем-то.

Глава 3. Я и она

Я и она.

Брюнетка и блондинка.

Настя блондинка. Как мама. Как моя сестра. У меня, в отличие от них, волосы темные. Единственный след нашего отца. В остальном я и сестра – копии мамы, абсолютно не похожие друг на друга. Мы словно были сделаны из разных ее частей. Глядя на нас, сразу было видно, что мы ее дочери, но никто не угадывал в нас сестер.

Настя была мне как сестра. До нее у меня вообще не было подруг. Мы познакомились в командировке в Сочи. Пересеклись по работе, а потом пошли пить вино на набережную. И что-то случилось. Что-то заискрило между нами.

Настя:

+1 к скрытности;

+1 к общительности;

+1 к постоянным неудачным романам;

+1 к вечной турбулентности в финансах;

+1 к порядку и умению его поддерживать;

+1 к пассивной агрессии;

–1 к терпимости к хаосу;

–1 к умению быть одной.

Кстати, все плюсы и минусы можно поменять на обратные. Вместо «+1 к скрытности» написать «–1 к открытости».

Заметили? Зависит от точки зрения. То ли концепцию надо доработать, то ли в этих перевертышах есть какой-то смысл.

Я помню последний раз, когда у нас все было хорошо. Было лето. Мы сидели у нас дома на ярком ковре в стиле бо-хо, который ужасно нравился мне при покупке и очень быстро надоел. На плетеном журнальном столике стояла бутылка вина, лежали конфеты вперемешку с фантиками (большей частью моими), суши и соевый соус в блюде, пластиковая коробка с кусочками сыра и медом – «сырная тарелка» из супермаркета – и кокос с трубочкой. Мы пили из него по очереди, не меняя трубочку. Мы всегда пили друг у друга из чашек, ели из тарелок, пробовали мороженое и коктейли. На гигиену нам было наплевать.

Я объелась конфетами, а кокос был слишком сладкий, так что уже не лез. Кислое вино немного перебивало приторный вкус во рту.

На экране стоявшего на полу ноутбука шел фильм. Звук мы приглушили и не смотрели – разговаривали. Мы никогда не досматривали кино и начинали под него разговаривать.

– Зря я ем эти конфеты, и так жирная, а теперь потолстею еще больше, – сказала Настя.

– Ты все время обещаешь и не толстеешь.

– Толстею, ты просто не замечаешь.

Настя действительно не толстая. Она молода, чуть старше меня, и, как и я, невысокая, но что-то действительно было не так. Ее тело выглядело бесформенным и неприятно мягким,

вязким, словно зыбучие пески. При взгляде на него возникало смутное чувство беспокойства. В одежде это незаметно, тем более она всегда носила мешковатые вещи, – но на пляже бросалось в глаза. Это было непонятное и странное чувство, и именно его она пыталась облечь в конкретные слова, обозначающие причины ее непривлекательности, – толстая, неспортивная. Но такой она не была.

– Смотри, какой закат, – сказала я.

Закат был потрясающий. Умиряющее солнце окрасило облака в пронзительно розовый цвет.

Настя сфотографировала его. Потом выложит в соцсети, как всегда. Она все выкладывала.

Я перебралась на подоконник. Всегда стараюсь провожать солнце. Из наших окон его видно только летом. Когда я говорю людям о закате, они так реагируют, словно это не важно. Но, честно говоря, что может быть важнее, чем красивый закат?

Настя сделала звук фильма громче. Мы пропустили большой кусок, пока болтали. Теперь было непонятно, что происходит, и оттого неинтересно. Но Настя смотрела. Может, она уже видела этот фильм? Может, хотела от чего-то отвлечься?

Немного посмотрев в экран, Настя начала наводить порядок. Солнце как раз падало за горизонт. Фантики от конфет отправились в мусорку, крошки – в раковину. Она постоянно что-то выкидывала, иногда даже нужное. С ней ничего нельзя было оставить валяться. В ее комнате был идеальный

порядок. Как только что-то портило его, она избавлялась от нарушителя. Я же терпеть не могла убираться. Да и сейчас мне больше хотелось смотреть на закат. Он не повторится, а уборка подождет. Я продолжила сидеть на подоконнике, но уже с чувством вины.

Когда Настя закончила с уборкой, солнце уже зашло за горизонт.

Сейчас мне кажется, что уже тогда все катилось к закономерному финалу. Так же, как солнце спокойно умирало за горизонтом. А тогда казалось, что все спокойно и стабильно. Что так будет всегда.

Иногда мне приходилось искать Настю. Она пропадала. Я этого не любила. Мне не нравится, когда люди пропадают. Не люблю искать и ждать, гадать, что стряслось. Мне нужно, чтобы человек был рядом. Чтобы он был понятный и предсказуемый.

Мне ужасно не хотелось ее искать.

Вдруг я узнаю, что она просто бросила меня. Вдруг я так надоела ей, что она исчезла, лишь бы я не была рядом.

Вдруг с ней случилось что-то по-настоящему страшное? Как с моей сестрой.

И, наконец...

Что, если ее вообще не существовало?

Честно говоря, у меня просто никого не было, кроме Насти. Теперь, когда мы перестали общаться, я чувствую себя совсем одиноко. Мне физически тяжело это выносить.

Раньше у меня были мама и сестра. Наверное, отношения с Настей были чем-то похожи на то, что было у нас с сестрой. Поэтому что-то между нами и получилось. Я так и не научилась строить отношения с кем-то еще. Я запрограммирована на отношения с ними двумя, а остальные не вписываются в этот шаблон. Но дружба с Настей была похожа на отношения с сестрой. По крайней мере, я так думала.

Всю осень мы почти не общались – еще до того, как она пропала. Делили одну квартиру на двоих, но практически не пересекались. Я старалась поменьше там находиться.

Настя уходила раньше меня – ее рабочий день начинался в восемь утра. Вечером, когда я возвращалась, она уже сидела в своей комнате. Оттуда доносились тихие звуки лекций и подкастов, которые она слушала, или фильмов, которые она смотрела.

Нам обеим было так неловко от всего этого. Надо было заканчивать наши отношения, но никто не начинал этот разговор. Мы стали похожи на супругов, которые уже ничем не связаны, но ничего не предпринимают. Мы были как муж и жена, которые не идут разводиться и не разъезжаются, а зависли где-то посередине, в мутном болоте своих умирающих отношений.

В последнее время Настя стала проводить много времени с этими людьми. Большую часть своих вечеров и выходных. Все началось в конце лета. Сначала изредка, потом постоянно. Постепенно они заняли все ее свободное время. Несколь-

ко раз она брала для встреч с ними и каких-то совместных выездов отгулы и короткие отпуска.

Сначала она скрывала, что ходит к ним. Ее можно понять. Потом стала упоминать о них в шутку – вот, мол, начала ходить в секту.

Потом мы уже не говорили об этом. Секта стала частью ее жизни. Ей казалось, что там она нашла общность, понимание, принятие. Наверное, всем так кажется.

После встреч с ними Настя была на подъеме, практически в эйфории. Но ее радость пугала. Это состояние было какое-то грязное, подгнившее, с душком. От этой радости хотелось отвернуться, как от чего-то мерзкого.

Настя сказала мне, что нашла смысл жизни. Что теперь она счастлива.

Она сказала, что эти люди открыли ей глаза на то, что скрывается за пеленой повседневности.

Что она увидела реальный мир.

Звучало жутковато.

Однажды я сходила с Настей к этим людям. Мне просто было интересно. Хотелось увидеть, что там происходит.

Мы пошли втроем – взяли с собой Луизу. Она, конечно, надела оранжевое платье и ярко покрасилась. Настя была в джинсах и мешковатой кофте. Я – в джинсах и свитере. В незнакомом месте не хотелось быть слишком заметной.

Было тревожно. Всем всегда кажется, что они-то в секту не попадут. Но как-то ведь попадают. С другой стороны, я

надеялась увидеть, что не такая уж там и секта. Что не такая уж Настя и ненормальная. Что ничего плохого не происходит.

Секта располагалась в построенном несколько лет назад деловом микрорайоне. Жилые дома отсутствовали – только башни с офисами. На табличке у двери было что-то написано про НИИ. НИИ чего именно, я не успела разглядеть.

Нас встретил охранник. Настю он, очевидно, уже знал в лицо, а нас пропустил за компанию, не задавая вопросов.

Внутри оказался типичный офис. Серые стены, коридор со множеством дверей. Пройдя по нему, мы зашли в большое помещение со стеклянными стенами. Скорее всего, изначально оно предназначалось для планерок и других мероприятий. Там уже собралось человек тридцать.

Люди там были самые обычные. Те, кого можно встретить в метро или на работе. Домохозяйка лет сорока – из тех, что « всю жизнь на детей положила » и вечно пытается похудеть. Пара мужчин в деловых костюмах – им явно было особенно неловко за то, что они тут. Один, помоложе, все время поглядывал в телефон. Тот, что постарше, выглядел серьезно, словно пришел на занятие МВА. Молоденькая девушка с короткой стрижкой и далекой от женственности одеждой – непонятая обществом, прячущая под маской агрессивности свою уязвимую натуру. Многие почему-то были одеты по-домашнему или в спортивном стиле.

Сектанты обменивались понятными только завсегдатаям

намеками и снисходительно смотрели на новичков. Все были без масок, как и всегда в неформальной обстановке, и мы тоже стянули свои.

Станным было то, что у многих из них были шрамы на веках. Две тонкие линии – одна на левом, другая на правом.

Встретив первого такого человека, я подумала, что с ним что-то случилось. Где-то на четвертом сектанте со шрамами мне стало жутко.

Сначала мы толклись возле двух поставленных рядом столов. На них стояли пластиковые стаканы, упаковка чайных пакетиков и банка «Нескафе». Воду можно было налить из кулера. Меня не отпускало ощущение, что одноразовые стаканчики уже кем-то использовались. Пить я не стала – где-то читала, что в сектах в кулеры подмешивают наркотики для внушаемости и галлюцинаций. Но никто и не настаивал. Хотелось есть, и я взяла из вазочки дешевое безвкусное печенье. Вряд ли в него засунут наркоту, подумала я. Когда съела, вспомнила про голландские кексы. Ну ладно, деваться уже некуда.

Но, кажется, наркотиков в печенье действительно не было.

Настя сразу бросила нас с Луизой и присоединилась к компании знакомых. Меня это раздражало. Очевидно же, что мне тут не по себе, могла бы и не бросать меня. Луиза, конечно, осталась со мной, но и она постоянно пропадала – то в туалет, то покурить. Ей тут вроде тоже не очень понра-

вилось. Настя же была в восторге. Самая крутая группа – видимо, как раз местные завсегдатаи – ее приняла. Она выглядела так, словно рядом с ней были министры или кинозвезды, не меньше. Группа состояла из трех человек: худошавая блондинка лет под 40 в красном свитере, полный парень с самодовольно-рассеянным видом, невысокая девушка с нервным тиком. Все они были со шрамами.

Настя сияла. Горела, словно маленькое солнышко. Старалась им понравиться.

Я не слышала, о чем они говорили.

Мы с Луизой неловко стояли у столов с кофе и едой.

– Я где-то слышала, что в сектах подмешивают наркотики в воду и еду, – сказала я ей.

– Да ну, бред, – ответила Луиза.

Но есть не стала.

Поев, некоторые расселись на стульях перед «сценой» – пустым пространством с микрофоном. Некоторые остались стоять у столов и болтать. Ждали мы долго – часа полтора, – но, казалось, никого кроме нас с Луизой это не возмущало. От Насти я знала, что мы ждем некоего Игоря, который прочтет нам лекцию.

Наконец, к микрофону вышел мужчина – суховатый, высокий, худой. Судя по всему, это и был Игорь. На вид лет 30. Все сразу замолкли. Мужчина не стал извиняться за опоздание и здороваться. Он приглушил свет и, когда помещение погрузилось во тьму, начал свою лекцию.

Надо сказать, говорить он умел. Его тихий ровный голос гипнотизировал, как маятник.

– Посмотрите вокруг. Что вы видите? Фикция. Иллюзия. Матрица, – он откашлялся. – Кто сказал вам, что эта комната существует? Кто сказал, что существуете вы? Вы так думаете? Вы просто знаете это? Так вам сказали другие – общество, мама и папа, блогер из соцсетей... А теперь скажу я. Все, что вы видите, – ложь.

Его тихий голос погружал в транс. Слушая его, я словно задремала. Иногда сознание выныривало и выхватывало еще несколько кусков его речи.

– Все, что происходит с нами по мере взросления, – построение и утолщение завесы между нами и миром. Возможно, только младенцы видят мир таким, какой он есть, но ничего не понимают. Потом, к счастью, эти воспоминания стираются из их памяти. К счастью – потому что жить с этим невозможно. Единственный путь с таким ясным зрением – сойти с ума. Клиенты психиатрических клиник, как и младенцы, видят все – и не выдерживают. Истина для жизни не нужна. Нам требуется больше сказок, иллюзий и лжи. И плотный кокон, чтобы не замечать ничего вокруг и спокойно жить в грезах. Чтобы оставаться нормальным, здоровым, иногда даже радоваться жизни. И все равно мы страдаем. Все равно живем во лжи и занимаемся бесполезными вещами. У нас не получается жить даже в наших сказках. От этого тоже можно сойти с ума. Люди живут так мало и глупеют к кон-

цу жизни именно для того, чтобы не начать понимать чуть больше.

Обратная связь ему не требовалась. Он рассказывал просто в пространство, пересекая сцену то в одном, то в другом направлении.

– Некоторые ученые считают, что человек постоянно испытывает боль. Телу приходится непрерывно забрасывать в себя эндорфины и другие вещества, чтобы мы не замечали страданий. Если это так, то наркоман в ломке таков, кем был бы каждый человек, лиши его внутренних наркотиков. То же и с сумасшедшими. Душевнобольной – всего лишь человек, лишенный кокона, стены вокруг, психических защит, здоровой человеческой слепоты, называйте как угодно. Только душевнобольные и грудные младенцы видят все так, как есть.

Я даже забыла проверять телефон. Обычно я делаю это на автомате, практически постоянно – вдруг что по работе. Я тихонько вытащила телефон из кармана. Конечно, яркость была выставлена максимальная, экран засиял на полкомнаты – в темноте было очень заметно. Послышались раздраженно-возмущенные вздохи. Никаких уведомлений не было. Я спрятала телефон обратно.

– Мне стыдно за наш мир. То, во что мы верим, то, что нам важно... Мы придаем этому огромное значение, но это все – чистые случайности. Про Гитлера говорят, что у него имелись проблемы с психикой, он ненавидел все подряд, был очень агрессивным. Ему требовался объект для ненависти,

которым стали евреи и другие не-арийцы. Вот и все. Это и определило жизни огромного количества человек.

Игорь перестал ходить и остановился на месте, словно задумавшись.

– История всего человечества свернула не туда, потому что один из людей свихнулся и громче прочих орал какую-то бредятину, а другие за ним пошли. Вот так люди строят свои жизни. Гормоны, особенности мозга и психики, разные болезни, душевные и телесные травмы, неспособность и неумение думать – все это валится в кучу и выдает случайный результат. И этот рандом – якобы наш выбор, наши убеждения, наши чувства. Есть ли смысл тогда их отстаивать? Люди готовы умирать за бред психически больных. Это же абсурд. Как будто мы все в психиатрической клинике, наполеоны и параноики, и наши врачи тоже уже сошли с ума, – он повысил голос. – Вокруг есть реальный мир. Он за стенами психбольницы, и потому недоступен нам. Но тот, другой мир, есть. Познать его доступно очень немногим. Большая часть людей проживает жизнь, так ничего и не увидев настоящего. Я могу показать вам все, о чем говорю. Но это зрелище только для избранных людей. Достойных. Может, именно для вас.

Видимо, это было традиционное окончание его речи, потому что после этой фразы почти все встали. Мужчина на сцене сделал странный жест: поднял руки к лицу, поставил большой палец на нижнее веко, средний – на бровь, и развел

их, будто раскрыл глаза шире. На каждом веке у него было по шраму – тонкому и аккуратному. Большинство присутствующих тоже стали растягивать веки. Я поднялась с места, но ничего не стала делать. Луиза осталась сидеть.

Мне сделалось не по себе.

Тем временем Настя старательно растягивала веки (у нее шрамов не было). На лице ее читались раболепие и щенячий восторг. Я не верила своим глазам. Она, видимо, почувствовала мой взгляд, посмотрела на меня и поняла мои мысли. В ее взгляде мелькнула злость.

Когда мы вернулись домой, я сказала Насте:

– Знаешь, по-моему, на этих собраниях происходит что-то не то.

Помню, как она посмотрела на меня тогда.

– Ты просто ничего не поняла, – сказала она. И ушла в свою комнату.

После этих слов между нами все было кончено. Даже, наверное, еще в середине предложения. Или тогда, когда Настя поймала мой взгляд, нелепо растягивая веки перед мужиком на сцене. Больше мы не сказали друг другу ни одного слова – до самого ее исчезновения.

Я сразу поняла, что она меня не простит.

Потом уже я узнала, что это стандартная уловка секты. Они вбивают в головы участникам: кто не с нами, тот против нас. Нейтралитет тоже не подходит. Не высказав восторга, я для нее умерла.

Как, интересно, это работает? Она знала их всего несколько месяцев. А меня – несколько лет. Иногда я начинала винить себя. Что-то не додала ей. Не сказала то, что было ей нужно.

Правда, я и не знаю, что нужно было сказать.

До этого момента мы, бывало, ссорились, ругались, не разговаривали по несколько дней. А потом мирились.

Теперь же мы просто перестали общаться.

Мы. Настя и Лера. Две девочки, сплетничающие про мужиков, сидя в «Шоколаднице». Гуляющие ночью по Покровке и Патрикам. Смотрящие сериал под суши и шоколадки. Сидящие в самолете, который летит в Таиланд. С жаром обсуждающие Очень Важные Вопросы: зачем нужна обычная тушь, если есть термостойкая, которую можно смывать теплой водой, а не специальным средством для снятия макияжа? Куда именно нужно накладывать румяна и в каком количестве? Что конкретно имел в виду очередной бойфренд?

Что сказала та коллега?

Почему развелась знакомая пара?

Как отреагировала начальница на то-то?

Куда мы бы хотели поехать в следующий отпуск?

Идут ли кому-то, кроме японок, красные тени для глаз?

Есть ли смысл делать наращивание ресниц, и не вредно ли это?

Как же мне не хватает теперь этих разговоров.

Говоря одно, люди нередко имеют в виду совсем другое.

Мы подруги. Мы близки. У тебя есть я, а у меня – ты. Я тебя слышу, вижу и понимаю. Мне важно, что ты говоришь. Я тебя поддерживаю, и так будет всегда. Ты не одна. Я тебя не оставлю. Ты мне нужна. Мы всегда будем вместе.

Хотя, возможно, я все это выдумала, и мы имели в виду совсем другое.

Мне скучно. Я не могу быть одна. Развлекай меня. Слушай меня.

Честно сказать, я и не знаю, о чем конкретно мы говорили. Многие наши моменты стерлись из моей памяти. Канули в вечность.

Наши посиделки, понятные только нам двоим шутки – все это ускользает от меня.

Две подружки, провожающие закат на пляже под Лиссабоном с вином и пирожными. Две подружки, сидящие на кухне с чаем: одна рассказывает о самом тяжелом событии в своей жизни, а вторая ее обнимает. Две подружки, пляшущие под ритмичную музыку посреди толпы в баре. Две подружки, не замечающие, как все это становится прошлым. Как хиреет, отслаивается и умирает. Как время, словно кислота, разъедает воспоминания, только что такие яркие. Как наши смешные смазанные фотки тихо выцветают на холодильнике.

Как нас больше нет. Как мы – молодые, красивые, беззаботные – умираем, и рождаемся новые мы. Другие. Как мы распадаемся на ты и я.

Как мы умираем.

Как все вокруг бесконечно, непрерывно умирает, и ничего из этого не спасти.

Глава 4. Физика – это поэзия

Наука всегда была для меня поэзией, особенно физика. Она восхищала и завораживала меня.

Любой физический опыт позволяет раскрыть не только материальное устройство мира, но и духовное, внутреннее. Любой физический постулат можно применить в обычной жизни. Вне зависимости от массы предметы падают с равной скоростью. Это ли не философия? А все эти опыты, результат которых зависит от наблюдателя? Энтропия Вселенной – метафора человеческой жизни и всей нашей истории. Независимо от своей массы, объекты оказывают друг на друга гравитационное притяжение: на человека влияет все, встреченное им, как и он на все вокруг.

Взаимодействие элементарных частиц потрясало меня. Корпускулярно-волновой дуализм будоражил. Мир, в котором такое существует, круче любой симуляции, любой компьютерной игры, любой фантазии.

Главная идея физики в том, что возможно все. Даже самые невероятные вещи.

Если долго думать о некоторых аспектах физики, можно достигнуть расширения сознания, словно под запрещенными веществами. Например, материя может рассматриваться как вибрация посреди пространства и времени. Представь себе это. Ты – лишь энергия, сгущенная до вибрации, хо-

ты кажешься себе таким плотным и монументальным. Как и все, кого ты любил, все, что ты создал, горы, океаны, твой дом, твои родители – все это лишь вибрации.

Чувствуешь?

А как тебе кротовые норы – разрывы в пространстве и времени? Возможно, через них можно путешествовать – на огромные расстояния и сквозь время. В другие миры.

Вообще-то говоря, физика – это отвал башки. Или так уже не говорят? В общем, вы поняли.

Главные вопросы, на которые отвечает физика: это вообще что, вот это все вокруг? Как оно работает и зачем? Что все это значит?

Датский физик Нильс Бор – он создал первую квантовую теорию атома и участвовал в разработке основ квантовой механики – говорил: «Тот, кого не потрясла квантовая теория, просто не понял ее». Я бы расширил это утверждение на всю физику.

Физика меня принимала. В отличие от остального мира.

Когда я существовал как человек, у меня не было ощущения, что окружающий мир меня принимает. Меня отторгали люди, успех, деньги, карьера – все. Кроме физики. Та была моей отдушиной, а потом и всем остальным: хобби, работой, смыслом жизни; женой, любовницей, братом, родителем, другом. У меня не было ничего, кроме физики.

Теперь я знаю, что нельзя ставить все на одну карту. Нельзя складывать весь смысл своей жизни в одну корзину.

Тогда не знал. Думал, мне больше ничего и не надо.

Теперь мир отторг меня окончательно. Выбросил за свои пределы, в прямом смысле.

Я не изучал физику – я познавал Вселенную. Больше всего меня интересовало, что такое реальность.

Самое забавное и абсурдное в изучении окружающего мира то, что весь он находится в мозге человека. Живя, мы уверены, что все по-настоящему. Но ведь то же происходит во сне. Мы видим там какой-то мир, верим в него, взаимодействуем с ним. То же происходит у психически больных. Они видят то, что создает их мозг, но почему-то это – болезнь, а то, что видят другие – реальность и норма.

То, что мы считаем реальностью, – откуда оно взялось? Точно ли это не сон? Не галлюцинация? С чего человек решил, что реальны не сны, а то, что происходит в свободное от них время? Может быть, во снах мы видим реальность, в которой возможно все, а потом засыпаем и выдумываем скучный предсказуемый мир, чтобы не сойти с ума. Может быть, галлюцинации сумасшедших – сбой в защитных системах мозга, которые не дают людям видеть окружающие их на самом деле странности и кошмары?

Мы думаем, что видим окружающий мир таким, какой он есть. На самом деле эти данные поставляет наш мозг – устройство со своими особенностями и ограничениями. Мозг всегда стоит между нами и реальностью. Все, что мы видим и ощущаем, – всего лишь образы, которые он кон-

струирует внутри себя. Как и то, из чего состоят сны и галлюцинации.

Мозг несложно подловить на вранье. Например, перед глазами всегда находится нос, но человек его не замечает. Левый и правый глаз поставляют картинки с разных ракурсов, а мозг делает из них одну. Где гарантия, что эта картинка, слепленная наспех, подоткнутая нашими стереотипами, достроенная тем, что мы уже знаем, правдива? А ведь есть еще ложные воспоминания и стирание из памяти слишком болезненных событий. Можно еще вспомнить изменения в поведении человека, у которого поврежден мозг или проблемы в гормональной системе, или принявшего наркотики (или даже просто неподходящие ему таблетки от ангины). Малейшего сбоя достаточно, чтобы человек начал видеть мир не так, как обычно. С чего мы взяли, что мозг не обманывает нас в большем?

Выбраться за пределы черепной коробки, конечно, невозможно. Но, как минимум, можно расширить свою картину мира. Как максимум – попробовать вырваться за пределы нашего мира, может быть, даже умудриться увидеть реальность такой, какая она есть, хотя бы и через призму черепной коробки.

Мы часто обсуждали это с Игорем. Мы хотели узнать, что происходит на самом деле.

Мы хотели найти что-то иное, то, о чем люди еще не знают. Мы были уверены, что это «иное» существует и что до

него можно добраться. Дверь туда где-то рядом, хотя открыть ее непросто.

А мы ее открыли.

Кто бы знал, к чему это приведет.

Много лет я посвятил науке: учился в университете, посещал дополнительные лекции и семинары, читал научную литературу, работал, исследовал. В свободное время смотрел фильмы про ученых, фантастику, научпоп. Я был полностью погружен в это. Человеческое бытие прекрасно тем, что можно посвящать свою жизнь крутым и интересным вещам.

Я увлекся физикой еще в школе. Затем отучился в университете, где изучал физику элементарных частиц и космологию. Кварки, струны, сверххраняя Вселенная, поиск скрытой массы Вселенной – одним словом, все чудеса и тайны мира.

В университете я и познакомился с Игорем. Тогда он был кем-то средним между скучноватым советским профессором и главным тусовщиком курса. В социуме Игорь управлялся куда лучше, чем я. Прирожденный лидер. Всех знал, всем нравился, не пропускал ни одной тусовки, встречался с девчонками. При этом всегда успевал учиться и работать.

В «Прометей» он устроился еще во время учебы. Получал там неплохие деньги. К окончанию вуза уже занял там должность руководителя отдела. Такой он был, Игорь. «Прометей» был условно частной конторой, которая занималась исследованиями для оборонного комплекса страны. Словом,

деньги и возможности там были.

Потом он позвал в «Прометей» и меня. Я тогда как раз потерял свою подработку лаборантом, да и пора было искать что-то стоящее. Я пошел туда, не сомневаясь. Устроился в отдел, руководителем которого был Игорь.

Тогда я еще не знал, к чему это приведет.

Офис «Прометеев» располагался в небольшом московском технопарке. Вокруг были только нежилые здания с конторами. Наши кабинеты и лаборатории занимали отдельный корпус.

Меня назначили на должность с таинственным названием «специалист» – даже не «инженер». Под таким обтекаемым словом может скрываться что угодно. В моем случае это означало помощь в исследованиях и много бумажной работы – вторые роли, как и всегда в моей жизни.

Работа в «Прометее» быстро меня разочаровала. Мы занимались какой-то фигней. Ни знаний, ни опыта, ни особенных денег мне это не приносило. Я потихоньку искал другое место. Игорю не говорил: как-то неудобно было. Думал, если что-то найду, то скажу, что случайно получилось.

В газетах часто появляются увлекательные статьи в духе «ученые нашли способ жить без воздуха», «найден препарат от смерти», «открыты параллельные миры» и тому подобное. На деле все эти слова ничего не значат. Обходиться без воздуха можно недолго и только ценой невероятных усилий, а опробовано это только на собаках. Препарат не жи-

данно для самих ученых подействовало на какого-нибудь несчастного червя, который вскоре все равно сдох по непонятной причине. Параллельные миры оказываются очередной физической теорией, которых и без того многовато. Все это никак не применимо в жизни. Мы тоже занимались подобными вещами. Может быть, когда-нибудь человечество сможет придумать, как их использовать, но пока все это бесполезная фигня.

Вообще-то возможности у нас имелись. У нас было много крутой аппаратуры, с которой можно делать что-то интересное. Плюс мозги, ресурсы и финансы. Но под любой опыт требовалось обоснование, надо было оформить кучу бумаг. Сделать что-то просто так, для души, для науки, было невозможно. А то, что мы делали, было мелочью.

Просто так, ради науки и движения человечества вперед, ничего не делалось. И это меня раздражало. Я не готов был существовать в таком мире.

Я хотел его изменить.

Я жаждал открытий, достижений. Желал познать что-то новое, лежащее за пределами уже известного. Хотел принести пользу миру, совершить великое открытие, изменить жизнь людей к лучшему. Мечтал о славе, чего уж там. Стать новым Ландау или Фейнманом!

Я много чего хотел.

Через несколько недель работы Игорь предложил мне посмотреть на варп-двигатель.

Давайте я объясню, что такое варп-двигатель. Попробую сделать это максимально просто. Как говорится, если не можешь объяснить просто, значит, не понимаешь.

Если вкратце, Вселенная огромна, и в ней сложно перемещаться на серьезные расстояния – на это потребуется слишком много времени, куда больше человеческой жизни. Варп-двигатель позволяет искривить пространство-время, чтобы долететь из точки А в точку Б побыстрее. Ну, или для каких-то еще целей.

Проблема в том, что варп-двигатель – выдумка фантастов. Его не существует. Он пришел в наш мир из «Стартрека». Такие дела.

И вот Игорь предлагает мне его посмотреть.

Мы прошли в один из дальних кабинетов. В углу стояла большая металлическая труба размером с ванну. Ее опоясывали трубки, провода и диски.

– Варп-двигатель, – объявил Игорь. – Производство новосибирского НИИ. Суперсекретная технология. Выдан нам по контракту за много денег для исследований. Не используется три года.

– Чем докажешь, что он работает?

– Предлагаешь искривить пространство-время дорожкой аппаратурой, чтобы тебе что-то доказать? Нет уж, дружок. Придется поверить на слово, – сказал Игорь. – Ладно, на самом деле я и сам сомневаюсь. Проверить его невозможно. Нужны особые условия и гора денег. Может быть, одна-

жды...

В общем, я потрогал неизвестный механизм, испачкав пальцы пылью, мы поприкалывались над новосибирскими учеными и ушли.

Господи, если бы я тогда знал. Я бы расколошматил эту штуковину молотком и натравил бы на тех новосибирских умников, что его собрали, Минобрнауки.

Запомните этот варп-двигатель. Штука, искривляющая пространство-время. Он нам еще пригодится.

Есть такие люди, которые очень любят перекладывать ответственность на других. Они не могут найти работу из-за правительства, а любовь – из-за того, что все представители нужного им пола меркантильные сволочи. Если бы я был одним из них, я бы сказал, что все случившееся произошло из-за этого варп-двигателя. Или из-за аномалии, запустившей его. Из-за стечения обстоятельств.

Но это неправда.

Все произошло из-за меня.

Вам может показаться, что я в этой истории не виноват. Я не хочу, чтобы вы так думали. Очень вас прошу, запомните это: я абсолютно точно виноват во всем, что происходило. Будет лучше, если мы сразу это обозначим. Я рассказываю эту историю не для того, чтобы вы делали выводы о том, виноват ли я. Это вопрос решенный, я виноват, и не утруждайте себя размышлениями об этом. Я не пытаюсь красоваться и не хочу, чтобы вы меня разубеждали. У меня нет невротиче-

ческой вины за все на свете. Строго говоря, сейчас у меня потребностей и неврозов в принципе нет. Я абсолютно объективен.

Не знаю, что сделал бы правильный, хороший человек, попав в такую ситуацию. Я ничего правильного не сделал. Я совершал ошибку за ошибкой. Один неверный шаг за другим. Потом попал сюда. Вот и все.

Я мог рассказать все людям. Обратиться к властям и журналистам. Поднять шумиху. Доказательств у меня было предостаточно. Некоторое время я специально снимал на телефон многое из того, что видел. Бездна на экране отображалась только черным экраном, зато было видно многое другое: сталкивание жертв в проход, разрезание век, похожие на транс безмолвные посиделки. Я скопировал все это на личный ноутбук и в два облачных хранилища. Но так никому и не показал.

Я мог обратиться в полицию. Мог бы даже сделать это анонимно. Некоторые из тех, кто погиб из-за нас, не были никому не нужными, случайными людьми. Иногда это были бездомные, а иногда – загулявшие наркоманы, и их искали близкие, которым они были небезразличны. Были и обычные люди, не маргиналы. Девушка, которая первой прыгнула в бездну, находилась в розыске. Ее искали. Достаточно было передать информацию ее родственникам или полиции. Я даже нашел в сети ее мужа. Я мог бы написать ему так, чтобы он меня не отследил, или от своего имени – какая, в общем-то,

разница? Искали и других. Я ничего не сделал. Никак не помог их родным, которые так мучились из-за исчезновения близких.

Я ничего этого не сделал.

Я мог бы искать другие пути поддержания прохода открытым.

Я ничего этого не сделал.

Вот так.

Поэтому, очень вас прошу, вините во всем меня.

Я знаю, как бесят все эти люди, которые демонстративно берут на себя вину. Некоторые из них хотят, чтобы вы их стали убеждать, что они не виноваты. Но в моем случае это абсолютная правда.

Это все я. Даже то, о чем я не знал. Даже то, что они сделали со мной.

Это все я.

Глава 5. Она не могла

Около четырех утра сон оборвался. Не знаю, что меня разбудило. Спать не хотелось абсолютно, и я выбралась из постели. На улице было темно и холодно. Хорошо, что выходить туда только через несколько часов. Может, даже успею еще подремать.

Квартира промерзла, особенно кухня. Там у нас были проблемы, о которых хозяйка квартиры еще не знала: мы умудрились пробить в окне небольшую дырку. Ладно, не мы – я. Я открывала шампанское и пробка полетела прямо в окно. С тех пор там дырочка, от которой расходятся лучики-трещины. Дырочка совсем крошечная, но через нее в комнату сочится холод.

Я натянула растянутый свитер и включила кофеварку.

Темнота молча смотрела на меня из треснувшего окна. На пустом столе стояла чашка кофе. Тусклая люстра давала свет, но с ним становилось даже хуже. Я ощутила мучительную бессмысленность. Не подъема в четыре утра и не чего-то конкретного, а вообще. Какую-то общую бессмысленность. Она придавила меня к стулу. Холод, натекавший из дырки в окне, морозил мне стопы.

Когда рядом есть другой человек, твоя собственная жизнь не так сильно бросается в глаза. Когда сидишь в четыре утра в одиночестве на промерзшей кухне, проблемы становятся

ся куда более очевидны. Многие люди заводят отношения именно по этой причине.

Несмотря на мое присутствие, квартира ощущалась ужасно пустой. Словно меня и не было.

Мы с Настей выбрали эту квартиру по многим причинам. Например, потому что она на двадцать пятом этаже. Я люблю высоту. На высоте мне всегда хорошо: в самолете, в горах, в небоскребах. Жить на двадцать пятом этаже – совсем не то, что, скажем, на втором. Душа тут расширяется, глазам больше видно. Бытие определяет сознание и все такое. Мир отсюда совсем другой. До переезда на двадцать пятый этаж я даже не знала, как выглядит туман с высоты. Словно смотришь на облака с высокой горы, сверху вниз.

Короче, красиво это, и все тут.

Правда, есть нюанс. В нашем доме замороченная система отопления: чтобы в остальных квартирах стало тепло, надо произвести какие-то манипуляции с нашей батареей. Начало отопительного сезона почему-то всегда совпадало с нашим желанием уехать в отпуск. Так мы однажды оставили соседей без отопления. Хозяйка квартиры не могла попасть внутрь – потеряла ключ. Тогда нас ненавидел весь подъезд.

Настя любила эту квартиру по двум причинам: за близость к работе и за то, что на красной ветке метро ездят самые симпатичные мужчины. К тому же нам обоим нравился район.

Мы платили за аренду чуть дороже, чем могли бы. Но ре-

шили, что эта квартира того стоит.

Нам было тут хорошо. И вместе, и по отдельности. Мы умели проводить время порознь, даже находясь в одной квартире. Полезный навык для любых отношений.

Квартира была максимально простая. Двушка. На кухне стол, стулья с зелеными подушками, диван, шкафчики и т. д. Кухней мы давно уже особо не пользовались. Когда у нас все было хорошо, мы придумывали необычные блюда, искали в интернете рецепты, заморачивались с подачей. Когда мы рассорились и перестали есть вместе, я стала готовить себе кое-как. Настя много времени проводила вне дома и ела там же. Когда она пропала, я перешла на покупную еду. В лучшем случае пользовалась доставкой.

В самые хорошие дни я заказывала супы и второе. Чаще – суши. Еще чаще я просто шла в ближайший «Вкусвилл» и брала там сэндвич-ролл. Дома я ела его холодным, просто чтобы дать телу еды. Одной есть совершенно бессмысленно. Тем более есть что-то особенное. Конечно, это совершенно неправильная позиция. Но что делать, если у меня вот так.

В моей комнате стояла полуторная кровать, которую я никогда не заправляла, и шкаф. Эта комната была меньшая из двух. Окна выходили на проспект. На стенах были дурацкие обои, абсолютно лишенные вкуса – желтые с невнятным орнаментом. Я хотела их сменить, и даже договорилась об этом с хозяйкой квартиры, но руки так и не дошли. Настина комната была больше, симпатичнее, и там, помимо кровати, был

диван. У меня кресла или дивана не имелось, поэтому я часто сидела на кухне или у Насти. Я приходила к ней почитать книгу или посидеть в интернете.

Свою настоящую сестру я потеряла, когда мне было одиннадцать лет. Она пропала. Вряд ли Настя пропала по-настоящему. А моя сестра пропала.

Мы жили втроем: мама и две дочери. Наша квартира была заполнена всем детским и женским: розовым цветом, игрушками, цветами. Мы обожали все это. Платья, сережки, косметика. Мы постоянно проводили время вместе, втроем. Собирали пазлы, делали друг другу прически, вышивали, читали книги, клеили коллажи, рисовали, играли в настольные игры. Мама была скорее нашей третьей сестрой. У нас имелся наш маленький уютный мирок. Там все было хорошо.

До того, что случилось с сестрой, мама была легкой, даже чуть инфантильной. Она выглядела совсем юной девочкой. Даже странно, что ей удалось вырастить двух дочерей одной. Впрочем, у нее много чего получалось легко, словно само собой. Она говорила, что просто не заморачивается и поэтому большинство проблем даже не возникает. Впрочем, помню, однажды я сказала маме, что у нее все легко получается. Она тогда посмотрела на меня очень странным взглядом, но ничего не сказала.

Мама была не из тех, кого угнетают работа и быт, кто вечно жалуется на тяжелую судьбу и необходимость всю жизнь пахать и мыть посуду. Мама говорила, что работает по люб-

ви, а за такое всегда платят больше. Работала она хударком в одном из московских театров. Быт ее не беспокоил, а когда вдруг все-таки напрягал, она вызывала клининг и не заморачивалась.

Жив ли отец, где он, почему его нет в нашей жизни и помогает ли он чем-то, мы с сестрой не знали. Его образа в принципе не существовало. Мама описывала наше появление в ее жизни так: она поехала на дачу и нашла нас в цветах, меня – в ромашках, а сестру – в васильках. И решила взять с собой. Отца в этой истории не было. Он в нее не укладывался. Вряд ли мужчина вписался бы в наш уютный мирок.

Я тоже так и не смогла построить отношений. В моей жизни любви не было. Мужчины все так же не вписывались в мою жизнь. Возможно, потому что все мои шаблоны для общения были настроены на женщин.

Иногда мне безумно хотелось, чтобы меня полюбили. Я мечтала ехать с любимым человеком в машине, ходить с ним по улицам, заниматься любовью – не каким-то там сексом. Но в то же время я понимала, что это маловероятно. Не знаю, почему я так считала. У меня не было убеждений, что я какая-то не такая или что любят каких-то особенных. Любят любых. Просто это не моя история.

В моем детстве было много любви. Может, это искупало ее отсутствие во взрослом возрасте. Может, каждому выделено определенное количество любви, и я свой лимит израсходовала.

Да и накатывало это желание отношений только иногда. А в другое время мне совсем не хотелось чувствовать связь, принимать обязательства, долго и мучительно вращаться в другом человеке, а потом, возможно, все разрывать. Не хотелось скучать, ревновать, волноваться за него. Внутри меня любви было совсем чуть-чуть. Едва хватало на себя.

Мне не нужен был мужчина. Мне нужны были мама и сестра. Я не просила ничего нового у вселенной. Я только не хотела, чтобы забирали то, что у меня было.

Летом мы ездили на ту самую дачу, где мама нашла нас с сестрой в цветах. Деревянный дом с верандой. Внутри все в нашем стиле – занавески в цветочек, много декоративных подушек, ковров и пледов, вазы для цветов, настольные игры... Во дворе стояли качели и беседка. В хорошую погоду мы надували небольшой бассейн, готовили лимонады и объедались сладостями, греясь на солнце и плескаясь в нашем крошечном водоеме.

Дачный участок и дом достались маме от ее родителей, но она все переделала под себя. «Под себя» значило, что все будет уютным и красивым, для радости, посиделок и веселья, а не для пахоты на огороде или минимально приемлемого проживания и закрытия галочек «вывезла детей на природу».

Мы купались в озере, ходили в лес, собирали в лесу ягоды (не грибы – мама считала их невкусными и мещанскими). На участке росли цветы. Мама покупала семена самых необычных растений и выращивала их. Многие не приживались, по-

тому что она была не из тех, кто тщательно блюдет правила и скрупулезно выращивает растение. Но сад все равно цвел, пышный, буйный, полный ярких красок. Овощей и фруктов мама принципиально не сажала, но на участок каким-то образом пробралась клубника и каждое лето давала нам крупные сладкие ягоды.

Я не знала тогда, что это самое счастливое время моей жизни.

В нем было столько «мы».

Когда кто-то уходит в мир иной, становится остро очевидна его отдельность. В отношениях этого нет. В отношениях есть только «мы», нет никаких «я» и никакой нужды в «я».

Как и в случае с Настей, теперь мне кажется, будто уже тогда были какие-то намеки, мысли, знаки. Но про них начинаешь думать уже после произошедшего. Птица, бывшаяся в окно перед чьей-то смертью, – знак или случайность?

После всего, что случилось, я пыталась понять: предчувствовали ли они? Разве может человек не чувствовать, что завтра умрет? Когда я видела в новостных сводках фото тех, кто умер, то пыталась прочитать на их лицах ответы: знали ли они? Чувствовали ли? Иногда казалось, что в их глазах предчувствие, тревога и печаль. Но это как смотреть на снимок и угадывать, маньяк ли этот человек. Если знаешь, что маньяк, кажется, все указывает на это. Нависший лоб, глубокие морщины, сжатый рот. Если не знаешь, покажется, обычный человек, каких много.

Летними вечерами мы с мамой и сестрой сидели на веранде, включив фонарь, висевший на стене. Вокруг разливалась тьма, но нам втроем на территории нашего уютного дома было не страшно. Здесь с нами не могло произойти ничего плохого. Мы пекли печенье, накрывали на стол, пили чай, секретничали, играли в игры. В фонарь бились мотыльки.

Мне было жалко их. Наблюдать гибель живого существа было больно, как будто я сама была таким маленьким насекомым. Я не верила, что мотыльки бьются о стекло по глупости. В их действиях должен быть смысл. Мотыльки явно что-то знали, но что именно?

Мама объясняла нам про полосу Маха. Из-за этой оптической иллюзии мотыльки думали, что рядом с фонарем есть темное место, где можно спрятаться от света. Таким образом, они летели не к свету, а от него. Но я не верила и в то, что мотыльки хотели спрятаться. Здесь была какая-то тайна. Я подолгу наблюдала за ними тихими летними вечерами.

Утром мотыльки обращались в легких белых бабочек. Вечерами снова становились жрецами огня.

Когда холодало и начинался дождь, мы натягивали свитера и носки и пили горячий чай. Мы читали книги, озвучивая интересные куски друг другу вслух.

Иногда мы приезжали на дачу зимой. В доме было холодно. Мы включали обогреватели на полную мощность и сидели вокруг них, грея руки и ноги. Мы надевали на себя кучу одежды, но нам было весело и уютно. Мы всегда приезжали

на дачу на все новогодние каникулы. Обязательно смотрели «Гарри Поттера» – запоем, все восемь фильмов. Мама закупала к этому событию какие-нибудь связанные с фильмом сладости. Мармеладные бобы с разными вкусами, тыквенное печенье. Мы пили какао, плакали, когда умирал Сириус и на моменте «После стольких лет? – Всегда». Досмотрев «Гарри Поттера», мы принимались за другие зимние фильмы. Иногда смотрели ужастики. Нам страшно нравилось «Сияние» по роману Стивена Кинга. Потом мы боялись спать и ночевали в маминой постели втроем. Иногда смотрели традиционные рождественские американские фильмы: героиня не замужем, Новый год будет одиноким, все в ее жизни катится под откос, но в последний момент она встречает любовь всей своей жизни и проводит праздник с ним.

Лето, посиделки на веранде, вечерняя прохлада, мотыльки, ягоды клубники, тополиный пух. Новый год, марафоны «Поттера», горячее какао. Наша семья. Наша близость. Все это уже ушло. Все однажды проходит, и от этого больно и страшно. Все поглощает тьма. Разве что мотыльки продолжают так же биться о фонарь – правда, о чей-то чужой, наш-то давно не горит. Дом стоит пустой.

В деревне жила настоящая колдунья. Во всяком случае, так говорила мама. Колдунья была очень старая. Мама уверяла, что она была старой еще в ее детстве. Иногда мы ходили мимо ее дома и боялись. Я верила, что она колдунья. У нее были очень страшные глаза. Один косой, другой нор-

мальный, совсем черные – то ли зрачка нет, то ли он захватил всю радужку. Когда она смотрела на тебя, становилось тревожно. Колдунья была одинока и ни с кем не общалась. Никто к ней не приезжал. Не знаю, чем она занималась и было ли у нее вообще занятие. Имелись ли у нее близкие. Может, она была просто одинокой пожилой женщиной.

На самом деле мама тоже была не очень общительной. Ей хватало нас с сестрой и нескольких близких подруг. Были ли у нее мужчины, я не знаю. Но она была счастлива. По крайней мере, до того, что произошло с сестрой. После случившегося мама быстро выросла до своих лет, а потом перегнала их и стала старше.

Мне было тринадцать, когда сестра пропала. Я не думала, что с ней могло случиться что-то плохое. Я была уверена, что она сбежала, – в какое-то интересное путешествие, с необычными людьми, в жизнь, которую описывают в книжках. Может, ее даже позвали учиться в Хогвартс и она не имеет права сообщить об этом нам, маглам, или сова с письмом заблудилась где-то по дороге. Или она в какой-то волшебной стране – такой, где живут драконы и на каждом шагу случаются приключения.

А потом сестру нашли. Оказалось, по пути из школы ее изнасиловали, перерезали горло ножом и, еще живую, кинули в заросший кустами люк на пустыре, из которого она так и не смогла выбраться. Сестра все это время, пока мы искали ее, была в люке, – сначала, может быть, пыталась выбраться

(а может, просто лежала без сознания и теряла кровь), потом умирала, потом разлагалась. Она вовсе не путешествовала по чудесной стране. Все это подробно (слишком подробно, до садизма) рассказала маме женщина из полиции, а я подслушала под дверью.

Тех, кто это сделал – их было двое, – так и не нашли. Не спрашивайте, как выяснилось, что их было двое. Об этом та женщина тоже подробно рассказала.

Потом были похороны. Я хотела увидеть ее напоследок – не понимала тогда, что ее тело уже изменилось. Конечно, гроб был закрытый.

Потом к нам еще несколько раз приходила полиция, но все это уже было неважно. Сестра была мертва, и ничто не могло этого изменить. Даже если бы убийц нашли, это уже не имело значения.

Никто никогда всерьез не думает, что с ним и его близкими может случиться что-то плохое – во всяком случае, не верит в это по-настоящему. «Что-то» всегда случается с «ними». «Нас» такое коснуться не может.

Но оно может. И периодически касается.

Пока сестру не нашли, мама мобилизовалась и была полна энергии. Она держалась. После того, как нашли тело, она словно выключилась. Пропали ее легкость и яркость. Навсегда. Больше я никогда не видела ее той мамой-девочкой, с которой мы собирали ромашки и играли в игры.

Иногда она включалась и пыталась быть живой. Тогда мы

пытались чем-то заняться, куда-то сходить. Но все это было не по-настоящему. Каждый раз я чувствовала, что мама пытается заткнуть мной дыру, образовавшуюся после смерти сестры. Проблема была еще и в том, что, когда сестра была жива, в маминой душе уже была дыра – от разрыва с отцом. Это я поняла только спустя много лет. Теперь дыра была в несколько раз больше, а я осталась все той же. Я была гораздо меньше этой дыры, и заткнуть ее мной никак не удавалось. Она и не ждала от меня этого.

Сейчас я думаю, что маме стоило сосредоточиться на мне. Наверное, это помогло бы ей. Но она мучилась из-за тех, кого рядом уже не было.

Я знала, что, если бы умерла я, а не сестра, мама мучилась бы точно так же. Не было такого, что кого-то из нас она любила сильнее. Но так уж устроен человек. Внимание всегда на том, чего нет, а не на том, что есть.

Мы все сильнее отдалялись. Мне часто приходилось брать на себя роль взрослого человека – готовить, следить, чтобы мама поела, поднимать ее, когда она целыми днями пыталась лежать в постели. Это длилось много лет и постепенно стало нормой. Она даже не пыталась вытащить себя из этого состояния – во всяком случае, я такого не замечала.

Мне было тяжело. В конце концов, я была маленькая. И я тоже любила сестру.

У меня тоже была дыра в сердце.

Спустя пять лет после сестры умерла мама. У нее случил-

ся инфаркт, прямо на работе. Ее забрала скорая. Врачи ничего не смогли сделать. Все случилось быстро и просто. Тромб заблокировал артерию. Кровь перестала поступать в ее сердце. Оно перестало работать. Вот и все. Человек довольно ненадежно устроен, он хрупкий и нежный. Даже странно, что столько людей живут долгие годы и не разваливаются, не ломаются, не отключаются. Это всегда поражало меня больше, чем то, что люди умирают.

Я еще не успела привыкнуть к пустой комнате сестры, как опустела и мамина. Тогда мне было восемнадцать лет.

После этого на меня навалилась куча проблем. Выяснилось, что наша квартира принадлежала не только маме, но и каким-то дальним родственникам, которые потребовали свою долю. Квартиру пришлось продать, и денег от нее осталось совсем немного. Ипотеку я брать не стала, не знаю почему. Решила снимать.

Дачный дом принадлежал маме, с ним проблем не возникло. Но я туда уже не ездила.

После этого мне часто снился один и тот же сон, банальный и сам по себе скучный. Мы сидели с мамой и сестрой на веранде нашего дачного дома, пили чай и болтали. Иногда были и другие подобные сны: как мы идем все вместе в магазин или куда-то едем. Но чаще всего этот: мы втроем, наш дачный дом, и все хорошо. Потом я просыпалась и мне было больно от этих снов.

Иногда я думала, что они действительно приходят со мной

пообщаться.

Наверное, они ждут меня там. А может и нет.

Когда умирают все твои старшие родственники, невольно задумываешься, что ты следующий.

Я многого не узнала о маме, и уже не спрошу. Я не знаю, что приключилось у них с отцом. Не знаю я и о маминых родителях, бабушке и дедушке. Мама в моих глазах была полумифическим персонажем, феей, взявшейся ниоткуда, – может, из куста роз? Просто однажды она появилась в этом мире и стала жить.

Оттого я была поражена, когда она умерла. Умирают люди, а не феи. Если феи и умирают, то не так. Они рассыпаются искорками или превращаются в цветы. Но мама оказалась не феей и умерла, как обычная женщина.

Мама строила свою жизнь, как сказку, осторожно и по кубикам собирая ее и дополняя нужными элементами. Со смертью сестры все это рухнуло, как карточный домик. Тогда, глядя на маму, я впервые задумалась, что она взрослый человек, и это наверняка далеко не первая ее трагедия и потеря. Она создала для нас сказочный мир, но сама жила не только в нем, но и в реальности. Возможно, она уже теряла других. Для меня эта утрата была тяжела, помимо прочего, своей новизной – до этого я не знала, какой трудной может быть жизнь и какие страшные вещи в ней происходят. Для мамы эта потеря была самой страшной, но еще и очередной, одной из других.

Иногда жизнь не такая уж простая.

В детстве и юности легче переживать потери: ты всегда знаешь, что дальше будет что-то еще. Чем старше человек становится, тем меньше всего впереди. Тем сложнее исправить ошибки. Теперь я это понимала. Я понимала, почему смерть сестры разрушила маму. Раньше я винила ее – каждый втайне проходит эту стадию обвинения покойных и злости на них – в том, что она не смогла быть сильной, не захотела пережить все это ради меня.

Я никогда не узнаю многого и про сестру. Какую профессию она бы выбрала, за кого она вышла бы замуж, о чем бы печалилась и радовалась. Сестра тоже была феей, ведь ее нашли в цветах. Но умерла и она.

В детстве я тоже числилась феей, но давно перестала ею быть.

С родными умерла и часть моей женственности. Она существовала только в мире, где были мама и сестра. Когда они исчезли, мое стремление ко всему девчачьему как-то поугасло.

С тех пор я продолжала жить в мире, где было две огромные дыры в форме двух важных людей, которых я потеряла. Эти дыры зияли прямо посреди мира. Все, что я видела вокруг, вопило об их отсутствии. Когда я думала о них, во мне все будто обрушивалось куда-то еще глубже внутрь, словно в черную дыру.

Я до сих плакала о них. Когда накатывало, было все так

же тяжело. Иногда боль остается с нами навсегда. *La tristesse durera toujours*².

Может быть, я слишком заиклилась на прошлом. Может быть, нужно бороться – разве не в отказе от борьбы я обвиняла маму? Может быть, нужно было прожить смерти и отпустить близких. Встретить мужчину, полюбить его, выйти замуж, родить детей и снова ездить на эту дачу толпой, играть в настольные игры и веселиться, смотреть фильмы и пить чай на веранде.

Я знала, что этого не будет. По какой-то причине для меня это было невозможно. Отношений у меня не получается, детей я не хочу ни рожать, ни растить. К тому же мне нравилось мое одиночество, раздолбайское и свободное. С мужчиной все было бы не так.

Наверное, кто-то мог бы сказать: «Сейчас ты упускаешь годы, а потом станешь старая и никому не нужная, и пожалеешь». Ну ладно. Что тут поделать? Должны быть и такие люди, как я.

Иногда я думала, что у многих не было и того, что было у меня. Многие не знали счастья, близости, любви. Многие не помнят ничего хорошего из детства, а в своем настоящем живут с нелюбимым случайным человеком и рожают от него нелюбимых детей.

С момента смерти родных меня преследовало одиночество. Есть все, и есть я. Слиться с кем-то в «нас» мне не уда-

² «Печаль будет длиться вечно» (фр.), последние слова Винсента Ван Гога.

валось. С Настей почти получилось, но тоже не вышло.

Теперь Настя тоже пропала.

Я сидела на темной холодной кухне совершенно одна. Кофе давно остыл.

В вагоне метро я села на крайнее место. Всегда стараюсь занимать его. Это же место часто выбирают бомжи и прочие маргиналы, что неудивительно. Здесь комфортнее всего тем, кто так и не встроился в общество. Отдельным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.